

Соловей Блудимирович и Забава Путятисья

А з-за моря, моря было Дунайского
Выбегало из-за носу да триццать караблей,
Ишше триццать караблей да без одного карабля.
Да один-от карабь да изукрашон хорошо:
Ишше нос-то, корма — да по-звериному,
Ишше хоботы-ти мецёт да по-змеиному,
Ишше вместо оцей врезано по камню да самоцветному,
Вместо бровей прибivano по соболю-ту черному.
<О>не прибежали ко городу ко Киёву,
Становились они ко пристани корабельнии.
Выходил-то тут Соловей Блудимирович;
Он на князеве[ы]х слух дáрыл золотой гривной,
Он на князя-та Владимирера — черныма соболями
И матушку-кнегину — да крупьцятый камкой.
Ишше князю-то подароцьки приглянулисе,
Ишше матушки подароцьки прилюбилисе.
Говорыт-то тут Соловей Блудимирович:
«Уж ты ой еси, батюшко Владимир да стольнё-киевской!
Мне позволь-ко во улицу во Колачникову
Прям того прям терема Запавина
Поставить-то мне-ка да высок терем!»
Соловей же матушки понравилса;
Говорит-то она князю Владимиру:
«Пушшай живёт Соловей Блудимирович
Да во тех полатах да белокамянных
Да и пьёт-то ведь, ест с нами с одного блюда!»
Говорит-то Владимир да стольнё-киевской:
«Уж ты ой еси, Соловей Блудимирович,
Ты живи-тко-се во наших полатах¹ белокамянных!»
Говорит-то тут Соловей Блудимирович
«Да у мня-то семья да несурядлива!»
Он позволил ёму ставить во улицы Колачников[ой]
Прям того же прям терема Запавина.
Одной ноци поставил да Соловей Блудимирович три терема —
Они по верьху-ту да ишше вместях свились.

Пробудиласе Зава-та Путятисья,
Проходила она по терему высокому
Да смотрела в окошецьк[о] кошисьцято:
«Да що жа во улици Коласьниковой
Ишшо що жа за свецька горит,
Що за свецька горит, да за цветок цветёт?..»
Да сряжалась она в платьё-то цветноё,
Да брала-то она слуги свои верныя,
Да пошла она во улицу Коло[а]сьникову.
Заходила вона да по новым сеням,
По новым-то сеням да ко первым дверям,
Припадала она ко терему высокому:
Ишше в том же терему да ишше громко говорят.
Говорит-то Зава да доць Путятисья:
«Ишше быть-то Соловьёвой-то семьи несурядливой!»
Проходила она да по новым сеням,
По новым-то сеням да ко вторым дверям,
Припадала она к терему высокому:
Ишше в том терему да шопотком говорят.
«Ишше быть-то ведь тут Соловьёвой матушки!»
Проходила она да по новым сеням,
По новым-то сеням да ко трет[ь]им дверям,
Ишше тут-то ведь уж да соловьи поют:
«Ишше быть-то тут Соловью Блудимировицю!»
Брала-то ёна да двери за скобу,
Розмахнула ёна да двери на пятау,
Да садилась на порог да она жопою.
Говорит-то тут Соловей Блудимирович:
«Да сказали, Зава-та хитра-мудра,
Нам сказали, Зава да оцунь хоробра;
А заправо Зава да глупей не нашол!»
Говорит Зава да доць Путятисья:
«Уж ты ой еси, Соловей Блудимирович!
Мне казалось, у тебя да всё по-небесному!»
Ишше брал-то он ей да за белы руки,
Он садил за столы-ти да за дубовыя.

*(Зап. А. Д. Григорьевым 17 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. —
От Пётруховой Анны Васильевны, 35 лет.)*

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.